

Перспективы взаимодействия РФ и ЕС в сфере декарбонизации

Есть ли возможности расширения рынка для российского газа в Европе?

Часть 1

АНДРЕЙ КОНОПЛЯНИК

Советник генерального директора ООО «Газпром экспорт», профессор кафедры «Международный нефтегазовый бизнес» РГУ нефти и газа (НИУ) им. И.М. Губкина, сопредседатель с российской стороны Рабочей группы 2 «Внутренние рынки» Консультативного совета Россия-ЕС по газу

Сегодня газовая отрасль России живет в условиях новой реальности – экспорт газа вышел на уровень около 200 млрд м³ в год. Однако важно не воспринимать эту новую реальность как безусловно заданную постоянную новую нормальность на сегодня и завтра. Поэтому нельзя допустить стратегического просчета в оценке перспектив развития рынков, упустить их за сегодняшними успехами, руководствуясь известным высказыванием фон Клаузевица, что «стратегические просчеты невозможно компенсировать тактическими успехами».

В настоящей статье автор представляет свои персональные соображения (опираясь, в том числе, на доступные в публичном пространстве наработки ПАО «Газпром») о неизбежной эволюции газового экспорта России в европейском направлении. Это связано с дрейфом ЕС от сегодняшнего конечного потребления природного газа для энергетического и неэнергетического использования к завтрашнему (или даже послезавтрашнему) его потреблению также и в качестве сырья для производства водорода с целью его дальнейшего использования в конечном потреблении в качестве «чистого топлива» в рамках опережающего движения ЕС в сторону низкоуглеродного развития. Позиция автора сводится к необходимости (целесообразности) выявления возможностей взаимовыгодного сотрудничества РФ и ЕС в этой сфере на основе трех этапов предлагаемого ПАО «Газпром» участия РФ в декарбонизации ЕС (автор называет их «Трехходовкой Аксютин»). Такой подход может обеспечить дополнительный импортный спрос со стороны ЕС на российский природный газ по более широкому спектру направлений его использования, в том числе в качестве сырья для производства водорода, и уменьшить для ЕС затраты на низкоуглеродное развитие, то есть повысить тем самым благосостояние граждан Евросоюза.

«Перспективы взаимодействия РФ и ЕС в сфере декарбонизации. Часть 2 и Часть 3 будут опубликованы в следующих номерах НГВ. Исследование осуществляется при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Влияние новых технологий на глобальную конкуренцию на рынках сырьевых материалов», проект № 19-01-0-00782.

ВЫЗОВЫ ПАРИЖСКОГО СОГЛАШЕНИЯ

Специалисты Международного энергетического агентства (МЭА) в 2012 году и представители Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК) в 2014 году показали, что накопленный будущий объем выбросов CO₂ от освоения текущих доказанных извлекаемых запасов невозобновляемых энергоресурсов (НВЭР) в рамках технологических (производственно-сбытовых) цепочек от добычи до конечного потребления каждого такого энергоресурса (уголь, жидкое топливо, газ) в каждой энергетической/неэнергетической сфере их использования в три раза (по оценке МЭА) или в три-четыре раза (по оценке МГЭИК) превышает верхний предел разрешенных выбросов, согласованных в Париже в 2015 году (COP-21) для целей устойчивого развития – удержание глобального потепления в пределах 2°C (см. «Парижское соглашение по климату»).

Иными словами, чтобы удержать глобальное потепление в пределах 2°C без широкомасштабного применения технологий улавливания, использования и хранения/захоронения CO₂ (так называемые технологии CC (U) S – carbon capture (utilisation) storage/sequestration), человечеству не удастся использовать больше трети (если исходить из оценки МЭА) или четверти/трети (если исходить из оценки МГЭИК) мировых текущих доказанных извлекаемых запасов невозобновляемых энергоресурсов до 2050 года. То есть значительная часть доказанных извлекаемых запасов органического топлива – в частности, углеводородов, в поиск и разведку которых уже вложены огромные ресурсы в рамках современных технологий, без широкомасштабного использования CC (U) S, окажется невостребованной. Это послужит началом гонки на выживание энергетических отраслей, которая может приобрести разные черты. Она может иметь облик справедливой рыночной борьбы на опережение – за обретение/генерирование бизнесом дополнительных конкурентных преимуществ в сжимающейся конкурентной нише для органических топлив, при государственном регулировании, основанном на принципах технологического нейтралитета. Или же она может приобретать формы игры без пра-

вил, борьбы на устранение конкурента любыми доступными способами, вне зависимости от их соответствия нормам общепринятого делового оборота, цивилизованного поведения и международного права.

Если принять за основу более жесткие ограничения COP-24 (Катовице, 2018), то объем превышения выбросов CO₂ от использования текущих доказанных извлекаемых запасов окажется еще выше, конкурентная ниша для невозобновляемых энергоресурсов – еще уже, а конкурентная борьба (по первому или второму варианту поведения) – еще жестче.

По оценке МЭА, две трети этих потенциальных выбросов CO₂ приходится на уголь, 22% – на жидкое топливо и 15% – на газ. Поэтому возникает естественный вопрос: почему в рамках климатической повестки основная и, похоже, наиболее жесткая дискуссия развернута вокруг газа, а точнее, вокруг поставок российского газа в ЕС? (Свое мнение на сей счет выскажу ниже).

В европейских газовых обсуждениях, в том числе в российском диалоге с европейскими коллегами, присутствует очень сильная политическая составляющая (как генерируемая изнутри, так и инспирируемая извне ЕС). Она дает возможность предполагать, что в рамках «борьбы за газ» в Европе основа борьбы против российского газа не столько то, что газ – это органическое топливо, ибо он является самым экологически чистым топливом среди всех видов органического топлива, сколько эта «борьба против» является отражением (постоянно подогреваемых) фантомных болей транзитных кризисов 2006 и 2009 годов и производных от них, в том числе санкционной антироссийской кампании 2014 года и последующих лет. И эта политическая составляющая «в борьбе за газ» (точнее, против российского газа и новых путей его доставки в Европу) накладывается на усиливающуюся конкурентную борьбу в рамках относительно (а в некоторых странах и абсолютно – если не сейчас, то с течением времени) сжимающейся ниши органического топлива в энергобалансе. При этом для некоторых игроков все средства становятся хороши, для того чтобы убрать конкурента, например, под лозунгами «Америка превыше

Парижское соглашение по климату

Парижское соглашение по климату (COP-21) – соглашение в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата, регулирующее меры по снижению выбросов парниковых газов в атмосферу с 2020 года. Оно подготовлено взамен Киотскому протоколу, принято консенсусом в ходе Конференции договаривающихся сторон в Париже 12 декабря 2015 года, подписано 22 апреля 2016 года и вступило в силу 4 ноября 2016 года. Это произошло, после того как страны ЕС объявили о его ратификации, вследствие чего оказался преодолен установленный в соглашении порог для его вступления в силу: число ратифицировавших государств превысило 55, при том что на их долю приходится более 55%

суммарной эмиссии CO₂. Поскольку Парижская конференция 2015 года – 21-я по счету, то она – Conference of Parties – вошла в историю как COP-21. РФ поддерживает COP-21 и рассматривает вопрос о его ратификации.

Цель соглашения: активизировать осуществление Рамочной конвенции ООН по изменению климата, в частности, удержать рост глобальной средней температуры намного ниже 2°C и приложить усилия для ограничения роста температуры величиной 1,5°C.

Состоявшаяся в декабре 2018 года в Катовице (Польша) COP-24 установила целевым порогом повышения температуры не 2°C, а 1,5°C.

всего!» (America First!) и «Американского глобального энергетического доминирования» (American Global Energy Dominance).

КАК ПРЕОДОЛЕТЬ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РАЗНОГЛАСИЯ

На мой взгляд, наглядно продемонстрированная взаимная выгода совместных действий, направленных на решение общих, то есть стоящих перед обеими сторонами, задач поможет европейской стороне преодолеть (переступить через) политические разногласия ЕС и России. Таким общим совместным действием в энергетической (газовой) сфере может стать эффективное участие России (российского газа) в решении наиболее приоритетной для ЕС на перспективу до 2050 года задачи – декарбонизации экономики Евросоюза. Иначе говоря, эффективное экспортно ориентированное участие РФ в декарбонизации ЕС.

При этом следует иметь в виду, что Россия и ЕС – это две неразрывно связанные между собой трансграничной капиталоемкой стационарной сетевой инфраструктурой части «Большой энергетической Европы», в которую входят, помимо ЕС и РФ (в ее европейской и азиатской части), все государства географической Европы, Северной Африки, Средней Азии, а вскоре войдут страны Ближнего и Среднего Востока. И эту технологически обусловленную взаимозависимость и взаимодополняемость не могут разорвать (но могут лишь временно ослабить) политические разногласия, возникающие по инициативе отдельных государств Евросоюза (или инспирированные через них извне ЕС). Однако данные разногласия становятся, в силу механизма принятия решений в ЕС, общей политикой Евросоюза. Европа была, есть и долго будет основным экспортным рынком для российского газа. Прагматичный экономический интерес моей страны на рынке ЕС – максимальная монетизация ресурсов российского газа на европейском направлении.

Выгодой для ЕС в таком случае может являться достижение целевых параметров декарбонизации (переход к низкоуглеродному развитию) ценой меньших затрат при использовании российского газа, по сравнению с альтернативными сценариями декарбонизации, что приведет к росту благосостояния граждан ЕС. Выгода для России – участие в декарбонизации ЕС за счет использования газа (в том числе и в первую очередь – российского, который имеет конкурентные преимущества по сравнению с сетевым газом и/или СПГ основных текущих и потенциальных конкурентов в Европе), что приведет в росту монетизации газовых запасов страны.

Сама задача декарбонизации национальной экономики, как результат климатической повестки, стоит на разной высоте в иерархии приоритетов обеих стран: на самом вершине повестки в ЕС и несколько ниже – в России (см. «Разная приоритетность декарбонизационной повестки не должна разъединять»). Поэтому, на мой взгляд, необходимо показать, что, несмотря на текущие политические разногласия, в совместных интересах ЕС и РФ использовать газ в целях декарбонизации, для решения тех задач, которые ставит перед собой Европейский Союз (см. «Две истории – общий знаменатель»). И показать, почему наиболее предпочтительным для этого будет газ российский.

КОММЕРЧЕСКАЯ ВЫГОДА VS ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ

Мне могут возразить (и возражают), что в условиях сегодняшней политической конъюнктуры любое сближение РФ и ЕС невозможно, даже если показывать взаимную экономическую выгоду такого сближения. Евросоюзу не сможет поступиться принципами. Могу согласиться, что точно не получится, но при одном очевидном условии – если даже и не пытаться. Однако опыт двух лягушек из известной сказки братьев Grimm, упавших в кринку с молоком и выбравших разные линии поведения,

Разная приоритетность декарбонизационной повестки не должна разъединять

Следует понимать, что в России и ЕС разный уровень приоритетности вопросов климатической повестки является следствием объективных причин.

Европа начала индустриализацию гораздо раньше России. Первая промышленная революция XVIII–XIX веков зародилась именно в Европе, которая, в силу более ранней индустриализации, прошла к сегодняшнему дню через более длительный период накопления негативных экологических последствий. Плюс к этому Европа прошла через кривую технологического обучения в рамках индустриального развития методом проб и ошибок, то есть приобретая и формируя свой (в том числе негативный экологический) опыт, который потом становился достоянием других и давал возможность другим странам (при рациональном хозяйствовании) не повторять ошибок (в том числе экологических) Европы.

В Европе гораздо меньшая, чем в России, территория и гораздо более высокая плотность населения. В связи с этим выше удельный эффект накопленных негативных экологических последствий.

Еще одно негативное последствие более ранней индустриализации: в меньшей по территории Европе в течение более долгого периода происходила массовая вырубка лесов, в связи с этим у нее малая природная восстановительная экологическая способность – выбросы тепличных газов в четыре раза превышают их природное поглощение. Поэтому страны ЕС являются нетто-загрязнителями (как и многие другие: США, Китай, Индия и т.д.).

Наконец, в странах ЕС душевой ВВП выше, чем в РФ. Значит, в этих странах в большей степени думают уже не об уровне ВВП, но о его качестве (еще одно проявление закона философии о переходе количества в качество). Из чего следует и большее внимание, в том числе, к качеству окружающей среды. Поэтому приоритет отдается климатической повестке. Отсюда, отчасти, и произрастают корни газобобии, сдобренные вышеуказанными виртуальными болями и страхом их повторения. Наилучшим лекарством от них общественному сознанию Европы представляется (предлагается) отказ от импортных молекул. Причем в первую очередь газовых, несмотря на то, что газ чище нефти и угля. Ибо недавние виртуальные боли лежат на памяти текущего (молодого) поколения и для современного европейского обывателя они связаны именно с газом (события 2006 и 2009 годов), а не с нефтью. Виртуальные боли, связанные с нефтью (нефтяными кризисами 1970-х годов), лежат в памяти отходящего / отошедшего от дел (старшего) поколения. Оно, видимо, не передало текущему (молодому) поколению, что преодолеть нефтяные проблемы 1970-х годов Европе во многом помог газ, в том числе российский (известная сделка «газ – трубы» и т.п.).

Зато это молодое поколение, особенно совсем юная его часть, воспитанная в эпоху гаджетов и на гаджетах и зачастую представляющая себе материальную часть мира как такой же виртуальный мир, в котором они проводят значительную часть времени, легко поддается популистскому внушению, что будущее может быть исключительно и полностью цифровым, электрическим, возобновляемым.

Отсюда – газобобские взгляды, типа тех, что мне недавно безапелляционно излагала в кулуарах одной из конференций

юная датская аспирантка, пытаясь объяснить, почему датские парламентарии обоснованно, на ее взгляд, возражают против строительства газопровода «Северный поток-2». Ее не желающая принимать возражений логика сводилась к следующему: «Как можно поддерживать строительство трубопровода, который ведет назад, в прошлое? Ведь газ – это органическое топливо, загрязняющее атмосферу. Почему мы (датчане) должны поддерживать прокладку в наших водах трубы, по которой в течение многих десятилетий мы, европейцы, будем обречены получать это грязное топливо, когда у нас есть чистая электроэнергия ВИЭ? Поддержка этого газопровода была бы нарушением принципа европейской солидарности...»

У России в рамках климатической повестки есть плюсы по сравнению с Европой: более поздняя индустриализация (короче период накопления ее негативных последствий), возможность учиться не на своих, а на чужих ошибках. У РФ гораздо больше покрытая лесами территория, поэтому наша страна обладает наивысшей природной поглотительной способностью, которая в несколько раз превышает выбросы. Россия является естественным нетто-поглотителем тепличных газов. И таких стран в мире очень мало: помимо РФ, это Канада, Бразилия, Австралия, Новая Зеландия и, возможно, Швеция.

При текущем уровне душевого ВВП (который, при измерении по паритету покупательной способности, по данным Всемирного банка, в 2017–2018 годах был в РФ в 1,6 раза ниже, чем в целом по ЕС), для России вопрос дальнейшего повышения уровня душевого ВВП не менее, но, пожалуй, более значим, чем вопрос его качества. Поэтому сегодня для России выход на те же решения климатической повестки, что и в Европе, был бы не совсем правильным, преждевременным, несвоевременным.

Более того, быстрый уход из зоны наших конкурентных преимуществ (каковыми являются НВЭР, в том числе наиболее чистый вид органического топлива – природный газ, огромными запасами которого располагает Россия) в зону, где моя страна такими преимуществами пока не располагает (где такими преимуществами по другим производственным ресурсам – труду и капиталу – пока располагают другие страны), был бы контрпродуктивным.

Но это не означает, что Россия не может и не должна использовать сегодня те возможности, которые создает декарбонизация ЕС для наращивания и закрепления своих конкурентных преимуществ в сфере, где она такими преимуществами обладает. А именно – в зоне таких производственных ресурсов, как природные, в том числе – энергетические, если брать классификацию производственных ресурсов по Адаму Смиту: труд, капитал, земля (последнее, иначе, – природные ресурсы, в том числе энергетические). Отсюда – моя всемерная поддержка концепции ресурсно-инновационного пути развития, предложенной академиком А. Н. Дмитриевским. Данная концепция, в частности, предопределяет возможность перехода на новый технологический уклад в моей стране, в том числе, за счет перехода на низкоуглеродный путь развития, поначалу в рамках экспортно ориентированной декарбонизации, а затем распространения ее и на внутренний рынок.

Две истории – общий знаменатель

В общих интересах РФ и ЕС – совместно найти сбалансированные, экономически обоснованные и взаимоприемлемые решения, несмотря на то, что, исходя из системы национальных приоритетов, можно говорить о наличии двух разных подходов к вопросу о декарбонизированных газах. Две разные исходные позиции по вопросу о декарбонизации газовой отрасли не должны разъединить стороны в поиске таких решений.

В приоритете у ЕС – монетизация существующей газовой инфраструктуры (сроки амортизации 25 лет и более) за счет ее использования как по прямому назначению (даже в рамках полностью электроэнергетического сценария ЕС газу отводилась определенная роль – как резервного топлива для выравнивания асинхронных, не совпадающих с графиком потребления электроэнергии, колебаний производства электроэнергии ВИЭ), так и для хранения/транспортировки водорода (подлежащего длительному и крупномасштабному хранению энерготовара). В него (если это так называемый в ЕС «зеленый» водород) будет преобразовываться электроэнергия (не подлежащий длительному крупномасштабному хранению энерготовар), в первую

очередь – закупаемая по нулевым и /или отрицательным ценам избыточная электроэнергия ВИЭ. Это, плюс ко всему, обеспечит дополнительную окупаемость сделанных ранее госсубсидий в развитии ВИЭ в Европе.

Перед Россией стоит несколько иная задача. У нас огромные ресурсы относительно дешевого газа, поэтому наша задача, на мой взгляд, – монетизировать доступные ресурсы газа и существующую (и создаваемую) газовую инфраструктуру. Европа достаточными газовыми ресурсами просто не располагает, потому и задача в ЕС так, как в России, не стоит. Поэтому декарбонизация для РФ – это, скорее, средство для монетизации ресурсов газа (в первую очередь, по сценарию экспортно ориентированного участия РФ в декарбонизации ЕС), чем самостоятельная и первоочередная цель для внутреннего рынка.

Таким образом, декарбонизация в РФ и ЕС – это две разные истории, но с общим знаменателем (хоть и в разной системе приоритетов): монетизация существующей трансграничной ГТС. Это и есть материальная деполитизированная основа для сотрудничества РФ – ЕС по декарбонизационной повестке.

показывает и доказывает, что пытаться и стараться надо. При этом имеются яркие прецеденты, когда экономическая (коммерческая) выгода превалировала над декларируемыми принципами, которые имели место, например, в совсем недавней истории ЕС.

В первой половине текущего десятилетия мировые цены на нефть находились на высокой отметке, а значит, и цены газовых контрактов с нефтепродуктовой индексацией, в частности, российского газа в Европе. В то же время случившаяся незадолго до этого американская сланцевая революция вытеснила американский уголь из энергобаланса США. Этот уголь, преимущественно дешевый аппалачский уголь открытой добычи, был направлен с Восточного побережья США в Европу, где он оказался дешевле контрактного (в первую очередь российского) газа с нефтепродуктовой привязкой.

Дилемма «чистый, но более дорогой газ vs грязный, но более дешевый уголь» была однозначно решена европейским бизнесом (при абсолютном одобрительном молчании европейских государств) в пользу угля – в полном соответствии с зачастую приписываемым Карлу Марксу высказыванием английского публициста Томаса Джозефа Даннинга, что «...раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. <...> при 50% положительно готов сломать себе голову, при 100% он попирает все человеческие законы, при 300% нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы». При этом уголь, вытесняющий российский газ, был не только американского, но также и российского происхождения, так что дело в данном случае не в политике.

Однако у европейских энергокомпаний и правительств в начале десятилетия не было ни рисков сломать голову, ни необходимости попирает законы, ни угрозы виселицы.

И выбирая между прибылью и следованием принципам (борьбе за чистоту окружающей среды), достаточно было показать в бухгалтерской отчетности, что за счет торговли квотами на выбросы CO₂ реального ухудшения экологической обстановки в ЕС (вследствие перехода от сжигания более чистого газа к более грязному углю) как бы и не было вовсе...

Помню, мне, непонятливому, этот тезис долго пытался обосновать главный экономист МЭА Ласло Варро на одной из международных конференций в ходе нашей с ним публичной дискуссии в присутствии большой аудитории. А я все не принимал его разъяснений, поскольку бухгалтерское манипулирование цифрами не отменяет и не может отменить действие физических процессов, таких как выброс CO₂ в атмосферу по месту конкретного энергообъекта... И я все безответно спрашивал Ласло, как он это же объяснит конкретному европейскому гражданину, живущему рядом с возвращаемыми в эксплуатацию угольными ТЭС. (Нина Андреева с ее статьей в газете «Правда» времен перестройки «Не могу поступаться принципами» нервно курит в сторонке...)

Таким образом, если метаморфоза «принципы vs коммерческая выгода» сработала в ЕС в одну сторону (результат оказался в пользу Евросоюза, но не в пользу России), почему не допустить, что она может сработать и в обратную сторону (с результатом в пользу и ЕС, и РФ)? Тем более что политические симпатии /антипатии носят, по определению, более краткосрочный характер, чем климатическая повестка ЕС. И поскольку получившая только что мандат на новый срок новая Еврокомиссия, по заведенному бюрократическому правилу, будет формировать свою политику, критически оценивая и переоценивая политику своих предшественников. 🚩